

Вероломные враги после того, как мы, сражаясь, испытывали большие потери, в день Вознесения Господня папали на нас, по своему обычаю, с суши и моря. Они возобновляли несколько раз подобные попытки, но не могли ничего сделать нам. Часто они приближались к самому нашему лагерю, чтобы вызвать наших, и если им удавалось причинить нам зло, то и мы платили им тем же. Однажды наши пешие люди захватили труп вероломного врага, облекли его в оружие, как живого человека, установили на ногах, привязав к туловищу отрубленную голову за волосы, выставили труп за лагерь, почти на расстоянии полета копья от сарацин, которые разсызжали по равнине. При виде этого семь сарацин выехали вперед и бросились к трупу, желая вызвать тем христиан, но заметив вскоре, что голова отрублена и держится одними волосами, они отступили перед христианами, которые собрались, чтобы напасть на них.

Далее автор описывает в том же роде многочисленные стычки, которые происходили между христианами и мусульманами под стенами Дамиекты, от мая до начала ноября 1219 г.; вспомогательная армия Нуреддина не могла принудить христиан снять осаду, а между тем христиане успели довести город до самого отчаянного положения.

К тому времени (то есть к ноябрю 1219 г.) город Дамиекка, доведенный до отчаяния сверх всякого вероятия или описания, как продолжительностью осады, так мечом, голодом и страшной чумой, возложил всю свою надежду на мир, который был обещан сулганом. Голод дошел до того, что не было никаких съестных припасов, кроме порченого хлеба. В Египте зерно сохраняется не только вследствие мягкости грунта, на котором оно произрастает; впрочем, выше Дамиекты и в окрестностях Вавилона (Каира) оно сохраняется целыми годами при помощи какого-то искусства. Мы слышали, что в ту эпоху одна айва продавалась в Дамиекте за одиннадцать византинов. Голод распространил между жителями различного рода болезни; между прочими несудобствами, которые они должны были переписать, ночью их поражала такая слепота, что

они не могли ничего видеть. Сулган утешал их ежедневно ложными обещаниями и таким образом удерживал от сдачи. Они завалили изнутри все ворота, чтобы никто не мог перейти к нам и сообщить, до какой степени бедствия они были доведены. Если кому удавалось уйти потаешным проходом или спуститься с высоты башни при помощи веревки, то его распухшее и истомленное голодом тело говорило нам красноречиво о той степени бедствия, до которой были доведены его соотечественники. Сарацины, нападавшие на нас из своего лагеря и из окрестности, начали равномерно испытывать недостаток в хлебе и корме. Нил, который обыкновенно поднимается от праздника св. Иоанна Крестителя до Воздвижения Креста и заливал в это время всю равнину, не достиг нынешний раз своей обычной высоты, к которой привыкли стигляе, и мы полагаем, что вследствие того большая часть земель осталась ненаводненной и потому не могла быть в свое время ни обработана, ни засеяна.

Тогда сулган, опасаясь дороговизны припасов и голода и желая в то же время удержать за собой Дамиекку, заключил со своим братом Копрадином (Манск-Аль-Муадам-Шарфеддин, племянник Саладина и владетель Дамаска и Иерусалима) договор, в силу которого они должны были возвратить нам св. крест, отнятый у нас Саладином, св. город Иерусалим, всех пленников, которые окажутся в живых во владениях Вавилона (Каира) и Дамаска, дать нам сверх того достаточную сумму денег для возведения стен Иерусалима, наконец восстановить нам в целости королевство Иерусалимское, удержав за мусульманами только два замка, Крак и Монрсаль, за которые сулган предложил платить дань в течение всего перемирия. Эти два замка, расположенные в Аравии, держали в своей зависимости еще семь других твердынь, и сарацинские кушцы равно, как и пилигримы, отправлявшиеся в Мекку или возвращавшиеся оттуда, всегда проходили мимо этих замков; но кто владел Иерусалимом и кто имел бы при этом силу и добрую волю, тот мог сделать много зла обитателям этих укреплений и разорить их виноградники и поля.